

Никите Романовичу дано село Преображенское

Да в старые годы, прежние,
В те времена первоначальныя,
Когда воцарился царь-государь,
А Грозной царь Иван Васильевич,
Что взял он царство Казанское,
Симеона царя во полон полонил
С царицею со Еленою,
Выводил он измену из Киева,
Что вывел измену из Нова-города,
Что взял Рязань, взял и Астрахань.
А ныне у царя в каменной Москве
Что пир идет у него навеселе,
А пир идет про князей, про бояр,
Про вельможи, гости богатые,
Про тех купцов про сибирских.
Как будет летне-ет день в половина дня,
Смиренна беседашка навеселе,
А все тут князи-бояра
И все на пиру напивались,
Промеж собою оне расхвастались:
А сильной хвастает силою,
Богата-ет хвастает богатством.
Злата труба в царстве протрубила,
Прогласил царь-государь, слово выговорил:
«А глупы бояра, вы, неразумныя!
А все вы безделицей хвастаетесь,
А смею я, царь, похвалиться,
Похвалиться и похвастати,
Что вывел измену я из Киева
Да вывел измену из Нова-города,
А взял я Рязань, взял и Астрахань».
В полатах злата труба протрубила,
Прогласил в полатах царевич молодой,

Что меньшей Федор Иванович:
«А грозной царь Иван Васильевич!
Не вывел измены в каменной Москве:
Что есть у нас в каменной Москве
Что три большия боярина,
А три Годуновы изменники!».
За то слово царь спохватается:
«Ты гой еси, чадо мое милое,
Что меньшей Федор Иванович!
Скажи мне про трех ты бояринов,
Про трех злодеев-изменников:
Первова боярина в котле велю сварить,
Другова боярина велю на кол посадить,
Третьева боярина скоро велю сказнить».
Ответ держит тут царевич молодой,
Что меньшей Федор Иванович:
«А грозной царь Иван Васильевич!
Ты сам про них знаешь и ведаешь,
Про трех больших бояринов,
Про трех Годуновых-изменников,
Ты пьешь с ними, ешь с еднова блюда,
Единую чарой с ними требуешь!».
То слово царю не взлюбилось,
То слово не показалось:
Не сказал он изменников по имени.
Ему тут за беду стало,
За великую досаду показалось,
Скрычал он, царь, зычным голосом:
«А ест(ь) ли в Москве немилостивы палачи?
Возьмите царевича за белы ручки,
Ведите царевича со царскова двора
За те за ворота москворецкия,
За славную матушку за Москву за реку,
За те живы мосты калиновы,
К тому болоту поганому,
Ко той ко луже кровавая,
Ко той ко плахе белодубовой!».
А все палачи испужались,
Что все в Москве разбежались,

Един палач не пужается,
Един злодей выступается:
Малюта-палач сын Скурлатович.
Хватя он царевича за белы ручки,
Повел царевича за Москву за реку.
Перепахнула вестка нерадошна
Во то во село в Романовское,
В Романовское во боярское
Ко старому Никите Романовичу,
Нерадошна вестка, кручинная:
«А и гой еси, сударь мой дядюшка,
Ты старой Никита Романович!
А спишь-лежишь, опочив держишь,
Али те, Никите, мало можется?
Над собою ты невзгоды не ведаешь:
Упала звезда поднебесная,
Потухла в соборе свеча местная,
Не стало царевича у нас в Москве,
А меньшева Федора Ивановича!».
Много Никита не выпрашивает,
А скоро метался на широкой двор,
Скричал он, Никита, зычным голосом:
«А конюхи, мои приспешники!
Ведите наскоре добра коня
Неседленова, неуздонова!».
Скоро-де конюхи металися,
Подводят наскоре добра коня,
Садился Никита на добра коня,
За себе он, Никита, любимова конюха хватил,
Поскакал за матушку Москву за реку,
А шапкой машет, головой качает,
Кричит, он ревет зычным голосом:
«Народ православной! не убейтеса,
Дайте дорогу мне широкую!».
Настиг палача он во полупутя,
Не дошед до болота поганова,
Кричит на ево зычным голосом:
«Малюта-палач сын Скурлатович!
Не за свойской кус ты хватаешься,

А этим кусом ты подавишься!
Не переводи ты роды царския!».
Говорит Малюта, немилостивой палач:
«Ты гой, Никита Романович!
А наше-та дела повеленое.
Али палачу мне самому быть сказнену?
А чем окровенить саблю вострую?
Что чем окровенить руки, руки белыя?
А с чем притить к царю пред очи,
Пред ево очи царския?».
Отвечает Никита Романович:
«Малюта-палач сын Скурлатович!
Сказни ты любимова конюха моево,
Окровени саблю вострую,
Замарай в крове руки белыя свои,
А с тем поди к царю пред очи,
Перед ево очи царския!».
А много палач не выпрашивает,
Сказнил любимова конюха ево,
Окровенил саблю вострую,
Заморал руки белые свои,
А прямо пошел к царю пред очи,
Подмастерья ево голову хватил;
Идут к царю пред очи ево царския,
В ево любимую крестовую.
А грозны царь Иван Васильевич,
Завидевши сабельку вострую,
А востру саблю кровавую
Тово палача немилостива,
Потом же увидел и голову у них,
А где-ка стоял он, и тута упал:
Что резвы ноги подломилися,
Что царски очи замутились,
Что по три дня ни пьет не ест.
Народ-християне православныя
Положили любимова конюха
На те на телеги на ординския,
Привезли до Ивана Великова,
Где кладутся цари и царевичи,

Где их роды, роды царския,
Завсегда звонят во царь-колокол.
А старой Никита Романович,
Хватя он царевича, на добра коня посадил,
Увез во село свое Романовское,
В Романовское и боярское.
Не пива ему варить, не вина курить,
А пир пошел у него на радостях,
А в трубки трубят по-ратному,
Барабаны бьют по-воинскому,
У той у церкви соборныя
Сбирались попы и дьяконы,
А все ведь причетники церковныя,
Отпевали любимова конюха.
А втапоры пригодился царь,
А грозны царь Иван Васильевич,
А трижды земли на могилу бросил,
С печали царь по царству пошел,
По тем широким по улицам.
А те бояре Годуновы идут с царем,
Сами подмолвились:
«Ты грозны царь Иван Васильевич!
У тебя кручина несносная,
У боярина пир идет навеселе,
У старова Никиты Романовича».
А грозны царь он и крут добре:
Послал посла немилостивова,
Что взять его, Никиту, нечестно к нему.
Пришел посол ко боярину в дом,
Взял Никиту, нечестно повел,
Привел ко царю пред ясны очи.
Не дошед, Никита поклоняется
О праву руку до сыру землю,
А грозны царь Иван Васильевич
А в правой руке держит царской костыль,
А в левой руке держит царско жезло,
По нашему, сибирскому, — остро копье,
А ткнет он Никиту в праву ноги,
Пришил ево ко сырой земли,

А сам он, царь, приговаривает:
«Велю я Никиту в котле сварить,
В котле сварить, либо на кол посадить,
На кол посадить, скоро велю сказнить:
У меня кручина несносная,
А у тебя, боярина, пир навеселе!
К чему ты, Никита в доме добре радошен?
Али ты, Никита, какой город взял?
Али ты, Никита, корысть получил?».
Говорит он, Никита, не с упадкою:
«Ты грозны царь Иван Васильевич!
Не вели мене казнить, прикажи говорить:
А для того у мене пир навеселе,
Что в трубочки трубят па-ратному,
В барабаны бьют по-воинскому —
Утешают млада царевича,
Что меньшева Федора Ивановича!».
А много царь не выпрашивает,
Хватя Никиту за праву руку,
Пошел в палаты во боярския,
Отворяли царю на́ пету,
Вошел в палаты во боярския.
Поднебестна звезда уж высоко взашла,
В соборе местна свеча затеплялася,
Увидел царевича во большом месте,
В большом месте, в переднем угле,
Под местными иконами, —
Берет он царевича за белы ручки,
А грозны царь Иван Васильевич,
Целовал ево во уста сахарныя,
Скричал он, царь, зычным голосом:
«А чем боярина пожаловати,
А старова Никиту Романовича?
А погреб тебе злата-серебра,
Второе тебе — питья разнова,
А сверх того — грамата тарханная;
Кто церкву покрадет, мужика ли убьет,
А кто у жива мужа жену уведет
И уйдет во село во боярское

Ко старому Никите Романовичу, —
И там быть им не в вѣдочѣ». —
А было это село боярское,
Что стало село Преображенское
По той по грамоте тарханныя.
Отныне ана слово и до веку.

Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.:
Наука, 1977.